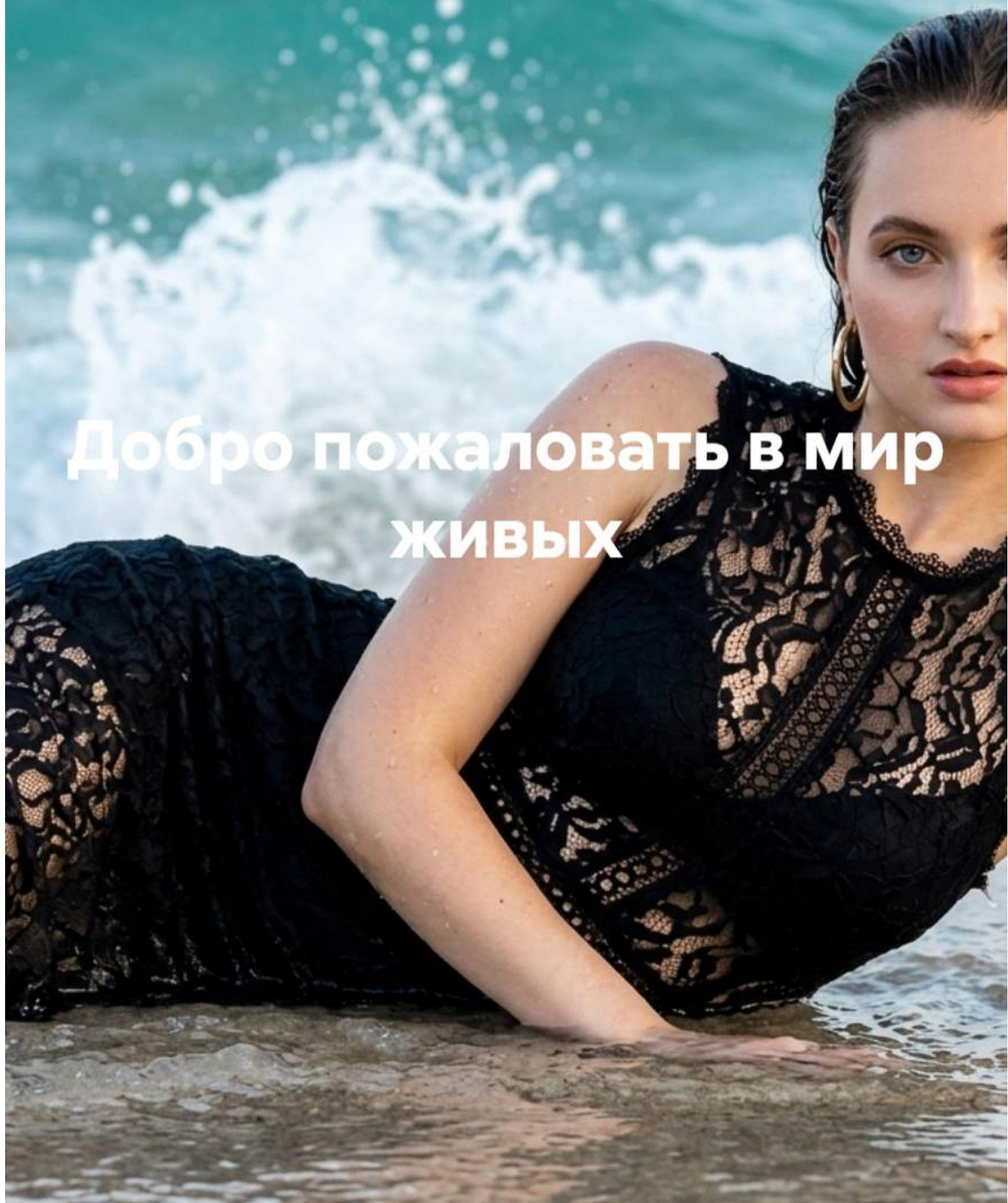

Надежда Моргунова

Добро пожаловать в мир
ЖИВЫХ

Надежда Моргунова

Добро пожаловать в мир живых

«Автор»

2026

Моргунова Н. И.

Добро пожаловать в мир живых / Н. И. Моргунова — «Автор»,
2026

Она была его женой восемь лет. Золотая клетка, бриллианты, охрана, полный контроль и ни одной ночи, проведённой вместе. Он держал её, потому что любил. Она ненавидела его, потому что задыхалась. Синька Хай — та, кого до 2018 года знали как бунтарку, дикарку, девушку с огнём в груди. Теперь она — молчаливая тень в доме миллиардера, женщина без голоса, без желаний, без будущего. Она спит с открытыми глазами, не ест без снотворного, и каждый день умирает заживо в роскошных интерьерах. Он — человек, который привык покупать всё. Но он не может купить её любовь. И тогда он решает купить ей свободу. Отпустить. Чтобы она сбежала, чтобы она искала себя, чтобы она поняла одну простую вещь: свобода — это не побег. Свобода — это умение дышать, когда рядом никого нет. Её путь лежит через Сеул в Москву, где её ждёт маленькая квартира с видом на церковь и ключи, которые она боится взять в руки. Она учится быть собой после восьми лет забвения. Он учится любить, не владея.

© Моргунова Н. И., 2026

© Автор, 2026

Надежда Моргунова

Добро пожаловать в мир живых

Глава 1. Стекланный дом.

Синька Хай сидела напротив мужа за столом из черного полированного оникса. Между ними горела единственная свеча, хотя в огромной гостиной с панорамными окнами уже давно горел мягкий свет вечернего Пекина. Синька смотрела на отражение в стекле столешницы: там была чужая женщина в шелковом халате с вышитыми драконами. Женщина с идеальной осанкой и пустым, как этот оникс, взглядом.

Все, кто знал Синьку Хай до 2018 года, сейчас бы охнули. Та Синька носила косу до пояса, плевалась сквозь зубы, когда злилась, и могла за ночь перечитать «Войну и мир», чтобы утром спорить с профессорами на экзамене. Та Синька не умела молчать. Она кричала на прохожих, смеялась на кухнях в общежитиях и бросала снежки в мальчишек.

Нынешняя Синька сидела неподвижно. Бесшумная. Прозрачная, как вода.

Но посторонние, те, кто встречал её на благотворительных гала-ужинах или в ложе театра, прекрасно понимали, в чем тут дело. Они перешептывались: «Ну конечно, женщина миллиардера, что вы хотите? Кто бы мог подумать, что дикая кошка так хорошо выдрессируется. Деньги творят чудеса».

Она знала эти шепотки. Слышала их сквозь звон бокалов. Но сегодня она решила нарушить тишину.

— Ты должен знать, — сказала Синька. Ее голос сел, как будто она не пользовалась им неделями.

Он поднял на неё взгляд. Ее муж. Мужчина, которому принадлежало пол-нефти и треть недвижимости в стране. Он не носил дорогих часов, потому что они ему были не нужны — все часы мира и так шли по его времени. Он отложил планшет в серебряном корпусе и сложил руки на столе.

— А ты думаешь, есть что-либо, чего я не знаю, Синь?

Она опустила глаза. На коже запястья выступили бледные полосы от ногтей, которыми она сжимала себя под столом. Он знает. Конечно, он знает. Он знает всё.

— Я в курсе того, что произошло, — продолжил он, и его голос стал мягче, почти отеческим. — Это называется срыв, Синь. Обычный, классический срыв. Диагноз старый, как мир.

Он замолчал, давая ей время осознать. Затем подался вперед, заглядывая в глаза.

— Скажи мне, Синь. У тебя есть живой муж. И за восемь лет ты ни разу не спала с ним. Рядом. В одной постели. Ты закрываешься в ванной и сидишь там до четырех утра, пока у тебя не начнут неметь ноги. Почему?

Синька продолжала молчать. Ее губы дрогнули, но звука не было. Она чувствовала, как внутри неё закипает что-то горячее и соленое, но где-то на дне горла стоит плотная пробка.

— Ты зря думаешь, что я — человек неэмпатичный, — сказал он, и в его тоне впервые проскользнула сталь. — Или что я слишком занят бизнесом, чтобы замечать твои страдания.

Он встал и прошел к бару. Налил себе виски, ей — мятный чай, который она не просила. Поставил чашку перед ней.

— Синь, — сказал он, садясь обратно. — Это я прислал его.

Она посмотрела на него. Взгляд был безумным — расширенные зрачки, пульсирующая жилка на виске. Внезапно в этой идеальной женщине проснулась та самая Синька из 2017-го. Дикая. Испуганная. Готовая бить стекла.

— Что? — прошептала она. — Ты... ты шутишь?

— Нет, — отрезал он. — Совершенно нет. Я единственный, кому не наплевать на тебя и твое ментальное здоровье. Ты перестала есть. Ты перестала спать. Ты смотрела на стену часами. Я не мог смотреть на то, как ты угасаешь, Синь.

Он взял её за руку. Пальцы у него были теплые, но ей показалось, что её касается лед.

— Поэтому я попросил слугу подсыпать тебе снотворное в чай. Каждую ночь, последние три месяца. Ведь ты, моя дорогая, совсем не спишь без этого. Ты умираешь на глазах. Разве тебе плохо?

Она дернула руку.

— Да! — выкрикнула она. — Мне плохо! Мне всегда плохо. Я никогда не получаю того, чего я заслуживаю. Ты даешь мне бриллианты, дома, самолеты, но я — как та рыба, которую держат в аквариуме, когда ей нужен океан. Я не получаю свободы. Я не получаю права выбирать. Я не получаю права на нормальную жизнь.

Он спокойно выслушал её крик. Потом медленно, с каким-то почти грустным достоинством, он потянулся к ящику стола. Достал оттуда лист гербовой бумаги и золотую ручку.

— Хорошо, — сказал он, его голос был ровным, как мертвое море. — Напиши здесь все, что ты желаешь, Синька. Клянусь. Это появится немедленно. Буквально завтра утром.

Она смотрела на бумагу. На девственно чистый лист, на котором ещё ничего не было написано. Этот лист пах кожей переплета и дорогими чернилами.

Синька взяла ручку. Её трясло. Она посмотрела на мужа, потом на лист.

Она пишет.

Над столом слышен только скрип золотого пера по бумаге.

Она пишет не «яхту», не «особняк в Швейцарии», не «коллекцию картин». Её рука выводит буквы быстро, почти зло, с нажимом, прорывая тонкую бумагу в конце последнего слова.

Закончив, она смотрит на мужа дикими глазами. Протягивает лист ему.

Он берет его. Читает. В его лице ничего не меняется, но уголки губ чуть опускаются. Он медленно поворачивает лист к ней.

Там написано одно слово.

— Развод, — вслух читает он. — Ты хочешь развода, Синь?

Она кивает, сжимаясь в комок. Она ждет, что сейчас начнется шторм. Что он разорвет бумагу, засмеется, скажет, что это глупость, что она никуда не уйдет, что брачный контракт связывает её по рукам и ногам.

Но он кладет лист обратно на стол. Аккуратно, по центру.

— Ты уверена? — спрашивает он, и в его голосе звучит странная, почти незнакомая нота. Это не злость. Это... облегчение?

Синька смотрит на него, не веря своим ушам. Впервые за восемь лет она видит его настоящим.

Она не знает, что он уже давно держит в своем сейфе подписанный документ о передаче ей половины состояния, если она попросит свободу. Он ждал этого дня восемь лет. Потому что он с самого начала знал, что её не удержать в золотой клетке. Он хотел не сломать её, а дожидаться, пока она сама захочет взломать замок.

Глава 2. Цена пустоты.

В комнате повисла тишина. Такая плотная, что казалось — её можно резать ножом, как тот самый воздух в горах, куда Синька Хай так мечтала сбежать. Она смотрела на лист бумаги со своим словом «Развод» и не верила, что он не смеётся. Не рвёт. Не швыряет в неё подсвечником.

Он просто сидел, сложив руки, и смотрел на неё с выражением, которое она не могла расшифровать.словно учитель, который смотрит на ученицу, выбравшую неверный ответ на экзамене, но почему-то не спешит ставить двойку.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я подпишу.

Синька вздрогнула. Её сердце пропустило удар, а затем забилось где-то в горле, птицей, бьющейся о рёбра.

— Что? — переспросила она. Голос её дрожал, и она ненавидела себя за эту дрожь.

— Я подпишу твой развод, Синь, — повторил он спокойно. — Завтра утром. Мои адвокаты подготовят бумаги, и ты получишь всё, что тебе положено по закону и даже - сверх того.

Пентхаус в Шанхае. Счёт в швейцарском банке, который позволит тебе не работать до конца жизни. Машину с водителем, конечно.

Она не верила своим ушам. Неужели всё так просто? Неужели восемь лет ада, восемь лет золотой клетки, восемь лет, когда она чувствовала себя экспонатом в музее его богатства, — и всё закончится вот так? По щелчку пальцев?

Но в его голосе появилась та странная нота, та самая, от которой по спине пробежал холодок. Он не закончил.

— Я дам тебе свободу, Синь, — сказал он, медленно поднимаясь из-за стола. Он обошёл ониковую столешницу и остановился рядом с её стулом. Положил руку ей на плечо. Тяжело. Собственнически. — Но я хочу, чтобы ты сейчас, глядя мне в глаза, честно ответила на один вопрос.

Она подняла голову. В глазах стояли слёзы, которые она сдерживала восемь лет. Сейчас они были готовы пролиться, но не от горя. От неожиданной, почти нереальной надежды.

— Какой? — выдохнула она.

Он наклонился. Его лицо оказалось в опасной близости. Она чувствовала запах его дорогого одеколона с нотками сандала и табака, запах, который преследовал её всю их семейную жизнь.

— Что ты будешь делать со своей свободой, Синь? — спросил он тихо. Почти ласково. — Куда ты пойдёшь? К кому?

Она открыла рот, но слова застряли. Она хотела сказать: «Я уеду в горы. Буду писать стихи. Открою маленькую кофейню на берегу моря. Буду просыпаться без будильника и никому не отчитываться». Но почему-то эти слова, такие яркие в её фантазиях, сейчас звучали в голове фальшиво. Как чужие.

Он словно прочитал её мысли.

— Синь, милая, — сказал он, и его голос стал мягче, почти отеческим. — Свобода — это ценность только для тех, кто знает, что с ней делать. Ты знаешь?

Она молчала. В горле пересохло.

Он выпрямился, отошёл к окну. Встал спиной к ней, глядя на ночной Пекин, усыпанный огнями, как бриллиантами.

— Я наблюдал за тобой восемь лет, — сказал он, не оборачиваясь. — Знаешь, что я понял? Ты — потрясающе талантливый, глубокий, яркий человек. Ты — как драгоценный камень. Но без огранки, Синь. Без оправы. Ты не знаешь, куда себя деть, когда вокруг нет борьбы. Ты умеешь бороться, но не умеешь жить. В твоей жизни лишь испытания, там нет самого слова этого — жизнь!

Она хотела возразить. Хотела крикнуть, что это неправда, что она знает, она точно знает, чего хочет. Но слова застревали в горле, как рыбные кости.

— Твоя жизнь прописана не мной и не тобой, Синь, — сказал он, и в его голосе появилась твёрдость. — Она прописана небом. Ты — одна из тех, за кого судьба уже всё решила. И, как я ни старался, я не смог переломить этот сценарий.

Он резко повернулся. В его глазах не было злобы. Только холодная, расчётливая правда, от которой хотелось спрятаться под одеяло, как в детстве.

— Скажи мне, — продолжал он, подходя к ней. — Как ты будешь заказывать ужин, если некому отдать распоряжение повару? Как ты будешь выбирать платье, если стилист не принесёт тебе на выбор десять вариантов? Как ты собираешься платить налоги, Синь? Арендовать офис? Отстаивать свои права в суде?

Она вскочила. Её трясло.

— Я научусь! — выкрикнула она. — Я не дура, я взрослый человек!

— Конечно, научишься, — кивнул он, и этот кивок был хуже любой насмешки. — Ты научишься через боль, через унижения, через голод и страх, потому что мир не прощает тех, кто восемь лет жил в теплице. Ты не выживешь в этом мире без моей заботы, Синь.

Эти слова повисли в воздухе. Они были сказаны тихо, почти дружелюбно, но в них было столько ледяной уверенности, что Синька почувствовала, как у неё немеют пальцы ног.

— Я не хочу тебя удерживать, — продолжил он, садясь на край её стула и беря её холодные руки в свои тёплые. — Если ты хочешь уйти — уходи. Я сдержу слово. Но я хочу, чтобы ты поняла: я не запираю тебя. Я оберегал тебя. Потому что кроме меня, Синь, во всём этом мире никому нет дела до того, умрёшь ты от голода на улице или станешь президентом крупной корпорации.

Она вырвала руки. Отступила на шаг.

— Ты манипулятор, — прошептала она. — Ты просто не хочешь меня отпускать. Ты говоришь всё это, чтобы я испугалась и осталась.

Он посмотрел на неё с лёгкой, почти печальной улыбкой.

— Я не хочу тебя отпускать, — согласился он. — Это правда. Я люблю тебя, Синь. Но я не держу тебя за руку. Дверь открыта. Ты можешь уйти прямо сейчас, с пустыми руками, без денег, без вещей — просто в халате. Попробуй.

Она посмотрела на входную дверь. Тяжёлую, дубовую, окованную медью. Она была закрыта, но она знала, что стоит ей сказать слово — охрана откроет. Он никогда не запирает её на ключ. Он запирает её по-другому.

Синька сделала шаг к двери. Потом остановилась.

Она поняла, что боится. Безумно, панически боится. Не его. Не гнева. А того, что там, за дверью. Мира, в котором она, Синька Хай, которая до 2018 года брала этот мир голыми руками, теперь — никто. Пустое место. Женщина без навыков, без связей, без привычки решать проблемы.

Слёзы хлынули из глаз.

— Я ненавижу тебя, — сказала она сквозь рыдания. — Я ненавижу тебя за то, что ты прав.

Он подошёл к ней. Мягко, но настойчиво положил руки на её плечи, притянул к себе. Она не сопротивлялась. У неё не осталось сил.

— Знаю, — сказал он, глядя её по голове, как ребёнка. — Знаю, милая. Но ненависть пройдёт. Правда останется.

Он замолчал на мгновение, потом тихо добавил:

— Я не буду торопить тебя с решением. Бумаги о разводе будут лежать в моём сейфе до тех пор, пока ты не скажешь мне: «Я готова». Но когда ты скажешь это, Синь, я открою дверь и выпущу тебя. И ты пойдёшь, куда захочешь. Умрёшь ли там, не мой. Поняла?

Она кивнула в его плечо. Слёзы текли по щекам, оставляя дорожки на дорогой ткани его пиджака.

Он поднял её лицо за подбородок. Заглянул в глаза.

— А пока, — сказал он мягко, — иди в спальню. Прими тёплую ванну. Я распоряжусь, чтобы тебе принесли успокаивающий чай. Снотворное, как всегда, будет добавлено в него, потому что я не могу смотреть, как ты мучаешься бессонницей. Иди.

Она развернулась и пошла. Покорно, как марионетка. Каждый шаг давался ей с трудом, как будто она несла на плечах невидимый груз.

У двери в спальню она остановилась. Обернулась. Он всё так же стоял посреди гостиной, освещённый мягким светом люстры, и смотрел на неё.

— Ты действительно подпишешь? — спросила она тихо, почти не веря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.